

А

Княжна Джаваха; Сибирочка; Щелчок [Повести : Для сред. и ст. шк. возраста] Лидия Чарская;
[Сост. и вступ. ст. В. Приходько; Худож. А. Куленин]
Саратов : Приволж. изд-во "Дет. кн." , 1992
Scan, OCR, SpellCheck: Kapti, август 2006 г.

Л.А.Чарская

ЩЕЛЧОК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

На а утренней заре, задолго до восхода солнышка, из леса выехало несколько крытых грязным полотном телег.

Лишь только телеги остановились на лесной опушке, из-под навесов их выскочили смуглые, черноглазые, курчавые люди с вороватыми лицами и грубыми голосами.

Взрослые мужчины, одетые в рваные куртки, со старыми мятыми шляпами на головах, с порыжевшими запыленными сапогами, принялись отпрягать лошадей, в то время как пестро и ярко наряженные в цветные лохмотья женщины и грязные, до черноты загорелые ребятишки, в одних холщовых грубых рубашонках, вместе с подростками стали собирать сухие ветви и сучья для костра.

Вскоре костер этот был готов и запылал среди лужайки у леса.

Одна из женщин поставила на огонь большой черный таганец с крупую, другая, старая, с седыми лохмами, выбившимися из-под платка, взяла в руки огромный каравай хлеба и большой кухонный нож.

-- Эй, вы, дармоеды, подходи за едою! -- закричала резким голосом старуха и, нарезав хлеб ломтями, стала оделять им толпившихся вокруг нее ребят.

Последние с жадностью хватали куски, причем старшие из ребятишек вырывали хлеб у младших. Поднялись невообразимый шум, гам, писк и плач.

Старуха с крючковатым носом издали погрозила костлявым пальцем расшумевшейся детворе, но те и не подумали утихнуть. Напротив, еще отчаяннее закипела, еще более усилилась возня.

-- Эй, Иванка, уйми ребят, что ли! Сладу с ними нет! -- крикнула кому-то старуха.

Из-под навеса ближайшей из телег вылез высокий широкоплечий мужчина, одетый чище и лучше остальных, с серебряной серьгой в ухе, с длинною ременною плетью в руке.

-- Эге, мелюзга не в меру расшумелась! -- свирепо взглянув на дравшихся ребятишек, крикнул он что было сил и, взмахнув своей страшной плетью, опустил ее на спины дерущихся ребят.

Дружный отчаянный визг огласил опушку, и малыши, как стая испуганных воробьев, разлетелись все в разные стороны от сурового дяди Иванки и его страшной плети.

-- Еда поспела. Ступайте хлебать похлебку, -- проговорила молодая женщина, хлопотавшая над таганцом у костра.

На это приглашение со всех сторон потянулись прибывшие на опушку леса люди, стали рассаживаться у огня. Старуха нарезала хлеба, молодая сняла котелок с огня и поставила его перед усевшимися в кружок мужчинами. Каждый вынул из кармана деревянную ложку и стал с жадностью черпать ею похлебку, находившуюся в котле.

Только подростки и малыши остались без завтрака. Они жевали черствые корки хлеба и с завистью поглядывали издали на евших у костра людей.

Смуглые люди были цыгане. Как и все цыгане, они вели бродячую жизнь, переезжали с места на место в своих крытых телегах, останавливаясь всем табором лишь на короткое время то здесь, то там, где-нибудь на краю деревни или вдали от города. И тут у них начиналась "торговля": мужчины обменивали лошадей на рынках (по большей части дурных на хороших) или продавали неопытным людям своих никуда не годных лошадей; женщины же и дети бродили по окрестностям своих стоянок, гадали на картах или предсказывали судьбу по линиям рук, получая за это по несколько копеек; чаще же всего, без всякого гадания, они выпрашивали милостыню.

Но ходили небезосновательные слухи, что цыгане не прочь и воровать при случае, и где бы они ни побывали -- везде как-то загадочно пропадали разные вещи.

За это цыган повсюду презирали и преследовали, и они, никогда не останавливаясь подолгу на одном месте, старались укрываться вдали от селений.

Таковы были люди, расположившиеся рано утром на опушке леса.